

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-829-838

Оригинальное исследование

«Странная» клятва Ивана III: эхо монголов?

Виноградов А.Е.

Независимый исследователь, 119313 Москва РФ

E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Клятва великого князя Ивана III своему брату Андрею, содержащая апелляцию к «Небу и земле», традиционно рассматривается через призму иудео-христианских ересей. Однако последние, хотя и имели влияние на политику Ивана в конце XV в, не содержали таких языческих концептов. Вероятным истоком подобной традиции была Монгольская империя, имевшая сильное влияние на духовную и политическую жизнь Руси. Мотив «Неба и Земли» был типичным для кочевников и государств Дальнего Востока и атипичным для христианских и мусульманских государств Европы и Азии. Предположительным непосредственным источником заимствованного концепта были ордынские князья, массовый переход которых на службу Москве начался во второй половине XV в. Иван ввел в христианский текст клятвы калькированную с монгольского лексику, поскольку считал престижными традиции и образы, используемые чингисидами. Практика замалчивания монгольского влияния или придания его ключевым концептам христианской семантики в русских летописях в данном случае была нарушена.

Ключевые слова: Клятва, Иван III, ересь, монголы, Чингисхан, Сокровенное сказание, Московское царство

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2022. «Странная» клятва Ивана III: эхо монголов? *Via in tempore. История. политология.* 49 (4): 829–838. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-829-838

«Strange» Oath of Ivan III: an Echo of the Mongols?

Aleksey E. Vinogradov

Independent researcher,

Moscow, 119313, Russian Federation

E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The oath of Grand Duke Ivan III to his brother Andrei, containing an appeal to "Heaven and Earth", is traditionally viewed through the prism of Judeo-Christian heresies. However, the latter, although they had an influence on Ivan's policy at the end of the 15th century, did not contain such pagan concepts. The probable source of such a tradition was the Mongol Empire, which had a strong influence on the spiritual and political life of Russia. The motif of "Heaven and Earth" was typical for the nomads and states of the Far East, and atypical for the Christian and Muslim states of Europe and Asia. The alleged direct source of the borrowed concept was the Horde princes, whose mass transfer to the service of Moscow began in the second half of the 15th century. Ivan introduced into the Christian text of the oath the vocabulary tracing from the Mongolian, as he considered the traditions and images used by the Genghisides to be prestigious. The practice of hushing up the Mongol influence or giving it to the key concepts of Christian semantics in Russian chronicles was violated in this case.

Key words: Oath, Ivan III, heresy, Mongols, Genghis Khan, Secret Legend, Muscovy

For citation: Vinogradov A.E. 2022. «Strange» Oath of Ivan III: an Echo of the Mongols? *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 829–838 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-829-838

Введение

В 1488 г. московский великий князь Иван III, успокаивая своего брата князя Андрея Угличского, подозревавшего свою скорую опалу, дает ему клятву, содержание которой до сих пор не дает покоя историкам. «Небом и землею и Богом сильным, Творцом всея твари» клялся государь, что не имеет намерения умышлять зла против брата [Полное собрание 1853, с. 238; Полное собрание, 1859, с. 217].

Интересен этот сюжет не только тем, что Иван через несколько лет откажется от своих слов и арестует Андрея, закончившего свои дни в темнице. Полемику вызвала сама формулировка клятвы, которая «не имеет аналогов ни в книжной, ни в устной словесности» [Успенский, 2021, с. 25] Руси.

В.Я. Петрухин увидел в указанной формулировке влияние иудейско-ветхозаветных представлений, не выходящее, впрочем, за рамки традиционного православия: «обращение к творцу неба и земли является топомосом славянской книжности, прямо отсылающим к библейской традиции» [Петрухин, 2018, с. 15]. В свою очередь, А.И. Алексеев, полемизируя с данной точкой зрения, указал на то, что клясться как «небом», так и «землею» прямо запрещалось как Иисусом Христом («Нагорная проповедь»), так и Ветхим заветом [Алексеев, 2017]. Странность клятвы «небом и землею» с точки зрения иудеохристианских представлений признал (признавая притом вторую часть клятвы гебраизмом) Б.А. Успенский, посчитавший, что формулировка «небом и землею» была приписана Ивану III его недоброжелателями-летописцами [Успенский 2021, с. 28]. В основном полемика ведется в контексте рассмотрения вопроса о возможном влиянии ересей, в основном иудейского толка, на идеологическую и политическую жизнь Московии.

Объекты и методы исследования

Действительно, еретический фактор в период правления Ивана III прослеживался достаточно глубоко. Даже ключевой концепт «Москва – Третий Рим», старательно приписываемый более позднему ортодоксу Филофею, в действительности обрел основные черты в сочинении (с точки зрения последующих деятелей православия «еретика») митрополита Зосимы, именовавшего Ивана «Новым Константином», а Москву – «новым градом Константиновым» [Павлов, 1908, стб. 1466]. Однако в данном случае, во-первых, уникальность, во-вторых, расхождение с известной иудео-христианской догматикой (при неизвестности соответствующих аналогов и в еретических постулатах) дают, по нашему мнению, основания искать истоки клятвы Ивана за пределами указанного круга источников.

В самом деле, клятва «небом», «землею», как, впрочем, и другими объектами материального и нематериального мира, входит в культурный круг многих народов Евразии (например, Северного Кавказа) [Кодзати, 2019, с. 258]. Мотив «Божественных Неба и земли» встречается в «Клятве пяти пунктов» японского императора Мейдзи [Breen, 1996, p. 412]. Однако при всей значительности соответствующего культурно-исторического массива есть определенные точки, которые, по нашему мнению, могут оказаться более всего близкими рассматриваемой проблеме.

Нельзя не обратить внимание на то, что пара «Небо – Земля» (кстати, в сочетании с «силой», что еще раз заставляет вспомнить «Бога сильного») является важнейшей формулой в идеологии Чингисхана, запечатленной в так называемом «Сокровенном сказании». Фраза «благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу» в том или ином варианте повторяется в цитатах основателя Монгольской империи [Козин, 1941, с. 52, 104, 111,

162]. Ученые-востоковеды считают это не случайным. Главный «сакральный стержень религиозной культуры» предков монголов, культ Неба-Отца, был тесно связан с почитанием Матери-Земли, а также и с представлениями о сакральной природе своего верховного правителя [Абаев, 2013, с. 140]. Мало того, отмечается, что «Небо и Земля, будучи сакральными объектами поклонения, регулирующими поведение человека в разнообразных жизненных ситуациях, в ... монгольских и маньчжурских клятвах выступают в качестве свидетелей и заверителей» [Дампилова, Николаева, 2022, с. 67]. Близкие сакральные понятия присутствовали и в сохранившихся ярлыках ханов русским митрополитам, только нехристианская лексика типа «Вечного Бога (Неба) сильного» и другая русскими переводчиками (так же, как католиками в переписке монголов с Западной Европой) заменялась на «Бога бессмертного» и т. д. [Григорьев, 1842, с. 20–21, 59, 105].

Результаты и их обсуждение

Это дает повод рассматривать изучаемую проблему через призму другой, также нерешенной: о влиянии монгольских традиций на генезис и идеологию Московского государства. Ряд историков, и в частности С.М. Соловьев, полагали его скорее второстепенным по сравнению с другими факторами: историческими, географическими и столь ощутимыми в средневековье климатическими. Русь же не столько испытывала влияние кочевого Востока, сколько противостояла ему, стремясь «войти в общую жизнь европейских народов» [Соловьев, 1984, с. 19–23, 29–30, 150]. Вместе с тем полностью отрицать это влияние сложно.

Не считая здесь возможным останавливаться на сложной теме точности этнических определений источников (например, «татары») и использующих их терминологию исследователей, можно отметить, что влияние наследников Чингисхана было и прямым: еще при дворе отца Ивана – Василия II было модным говорить по-татарски [Вернадский, 2016, с. 410], а уже в покорении Новгорода едва ли не решающую роль сыграла татарская конница царевича Данияра [Кривошеев, 2007].

Оно было и косвенным и до и после формального освобождения от татарского ига в 1480 году. О том, что московские князья «наследовали и введенную татарами финансовую администрацию», писал П.Н. Милюков [Милюков, 1896, с. 130]. «Татарские порядки в управлении, суде, сборе дани» отмечал Г. Федотов [Федотов, 1952, с. 146–147].

В Московии на столетия сформировалась структура власти, которую С.А. Королев называет «татароморфной» [Королев, 2009, с. 75]. Отношения власти и собственности также сложились в Москве под влиянием восточных порядков [Градовский, 1899, с. 150; Латов, 2004, с. 123]. По мнению правоведа Н.Н. Алексева, Московское государство заимствовало монархические традиции «непосредственно из азиатского мира» и «походило гораздо более на восточный халифат» [Алексеев, 1927, с. 27].

Оно повторило и историческую логику трансформации монгольского общества в империю. Чингисхану, прежде чем перейти к тому, что называется «расширение владений монголов на земли всего мира без исключения» [Фогель, 2008, с. 1200], пришлось раздавить традиционную степную демократию, превратив курултай, съезды монгольской элиты в лишь формальные демонстрации наместниками областей лояльности верховному правителю [Чернышов, 2018, с. 145], жестоко подавить сопротивление ряда монгольских и родственных племен, не желавших строить империю «до последнего моря». Он же провозгласил себя верховным правителем и судьей, еще в начале карьеры великого хана учинив расправу над своими родственниками, выразившими ему, по старым степным понятиям, лишь непредосудительное непослушание [Почекаев, 2019, с. 13].

Все это оказало сильное влияние в плане «полного уничтожения демократических начал» [Сахаров, 2010, с. 107] на Московскую Русь XVI в., где представительные учреждения были, по выражению В.О. Ключевского, «крайне скудными и бесцветными»

[Ключевский, 1990, с. 280–281], а политический характер ее в целом именовался «тоталитарным» [Бердяев, 1955, с. 10]. Московский царь, считал Г. Федотов, «как преемник ханов, мог покончить со всеми общественными силами, ограничивающими самовластие» [Федотов, 1952, с. 145]. Беспредельная убежденность власти «в своем праве «казнить и миловать» есть «влияние монгольского опыта» [Булдаков, 2015, с. 26]. Н.И. Костомаров характеризовал политику Ивана III как «азиатский деспотизм» [Костомаров, 1912, с. 248]. В этом смысле приобретает определенную логику и то, что уже внук Ивана в отношении присоединенных русских земель станет применять «методы, обычно используемые на завоеванных территориях» [Исаев, 2009, с. 104].

Все это сопровождалось заимствованием огромного количества культурных и лексических элементов, от названий элитных одежд до московского придворного церемониала, который «во многих отношениях являлся отражением монгольского образца» [Вернадский, 2016, с. 414].

По мнению И.Г. Прыжова, эти заимствования в XV–XVI вв. были столь велики, что он характеризовал это время как период «антинационального развития» [Прыжов, 1868, с. 41, 43–44].

В этих условиях заимствование из того же источника сакральных образов, цементирующих клятвенные формулировки, кажется вполне вероятным. Конечно, постепенная исламизация Казани, Астрахани и Крымского ханства вытесняла эти, по сути, языческие образы из западных осколков империи Чингисхана. Но, не говоря уже о более восточных регионах, даже там, например, в имевшей тесные контакты с Московией Ногайской орде, еще столетия сохранялись «весьма значительные пережитки» домусульманских верований [Трепавлов, 2002, с. 564].

При том еще со времен Ивана Калиты, а тем более после «тысячи крещеных и некрещеных татар шли на службу к московскому князю, вливаясь в ряды служилых людей, будущего дворянства, заражая его восточными понятиями и степным бытом» [Федотов, с. 147]. «Интенсивность Ордынской миграции в Москву ... поражает воображение», – пишет востоковед Ф.А. Асадуллин [Асадуллин, 2017, с. 174].

Легкость, с которой эти восточные выходцы или их большая часть переходила в православие, еще раз показывает, что степень усвоенности ими норм ислама была достаточно поверхностной. А вот в том, что они заражали своими «понятиями» уцелевшую после нашествий XIII–XIV вв. русскую элиту, и так зачастую прошедшую монгольскую «школу» в Орде, вряд ли можно сомневаться. Количество, «сонмы» этих выходцев были причиной того, что «в некоторых отношениях прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось после освобождения Руси», – считал Г.В. Вернадский [Вернадский, 2016, с. 415]. Другой евразиец, Н.С. Трубецкой, придавая этому влиянию позитивный оттенок, указывал, что оно воздействовало и на ментальные установки русских князей, как потом и царей: «русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву» [Трубецкой, 1992, с. 104]. Впрочем, даже и в современных изданиях того же евразийского толка можно встретить схожие оценки: «трехсотлетнее ордынское иго... сформировало антропологический облик российской власти и ее элитного сословия... в поведенческом и культурологическом смысле», но со знаком минус [Игнатов, 2006]. Не чуждый евразийских симпатий В. Шубарт также считал, что все московское самодержавие – это ордынское «инородное тело в плоти русского народа» [Шубарт, 2000, с. 63]. П.Н. Савицкий полагал, что превалирование восточного фактора в государственности было в действительности столь большим, что Россию, мол, вообще нельзя считать славянской страной [Панченко, 2011, с. 19].

Действительно, это воздействие было так велико, что даже освобождение от ига протекало под флагом «монгольской» же легитимности. Так, официальные летописи подчеркивали, что князь Дмитрий сражался на Куликовом поле не с Ордой, а с узурпатором,

врагом законных ордынцев-чингисидов. Видимо, психологическая установка на невозможность противостояния сюзерену – «самому царю», ордынскому хану долго довлекла и над Иваном III, пишет В.Н. Рудаков [Рудаков, 2009, с. 213].

Престиж монгольских правителей в глазах московской элиты подчеркивался тем обстоятельством, что сам титул «царь», фонетически являющийся отголоском более древнего римско-византийского «кесарь», поначалу применялся русскими по отношению к византийским владыкам, а затем к ханам Орды [Вернадский, 2016, с. 412]. В 1572 г. Иван Грозный объявил царем Московии Симеона Бекбулатовича именно потому, что тот был чингисидом «царской» монгольской крови, а уже впоследствии летописная традиция признание царского титула самим Грозным связывала с завоеванием Казани – наследницы Орды [Halperin, 1985, p. 99–101]. «Для создания Российской империи в XVI веке борьба за наследия Золотой Орды явилась более важной, чем... «Третий Рим», – считает А. Капеллер, – «престиж царевичей-чингисидов... стал существенным элементом ранней имперской идеологии России» [Капеллер, 2004, с. 96].

Многие исследователи сходятся на том, что стремление к бесконечному силовому расширению российской империи в различных ее формах отражало дух Ясы, было «татарской государственной идеей» [Асадулин, 2017, с. 175–176]. Н.С. Трубецкой считал, что «силу экспансии... вовне» Россия стала проявлять в силу желания собрать земли «западного улуса великой монгольской державы» [Трубецкой, 1992, с. 104, 106]. А.Г. Дугин увидел в этом влиянии еще ментально-идейный заряд «кочевнической имперской психологии» [Дугин, 1996, с. 27].

При огромном слое социальной административной лексики, заимствованной с Востока (тарханы, даруги, ямы и проч.), неудивительно заимствование и сакральных образов, цементирующих соответствующую государственную систему у монголов. Так же, как часть этой лексики обретала «переводной» характер (например, «пожалование» является калькой с монгольского «союргал» [Нефёдов, 2010, с. 179, 180]), так и монгольские Тенгри (божественное Небо) и Этуген (Земля-богиня) могли обрести в устах Ивана III «русское» звучание.

Официальное ревностное православие, образы Апокалипсиса, бывшие источником мрачного вдохновения государей Московии, не могут заслонить того факта, что Realpolitik государства и ментальность его элиты имели зачастую истоки совсем в другой этнокультурной среде. Символично, что даже знаменитый символ московских царей – «шапка Мономаха» – имеет на самом деле отношение не к Константинополю, а к монгольским ханам Средней Азии [Вернадский, 2016, с. 413]. Что, в общем, неудивительно, т. к. в ходе тщательной «селекции» русских князей в Орде выживали и получали ярлык на княжение лишь те, кто соглашался «поклониться татарским богам» [Сказание, 1981, с. 229–234]. Полученные уроки религиозной «гибкости», видимо, передавались по наследству. Иначе трудно объяснить существование в рамках Московии Касимовского ханства, передачу великими князьями и царями владений с православными крестьянами новым подданным-иноверцам и позднейшую политику в землях бывшей Монгольской империи, где российские власти скорее препятствовали распространению христианства, что вызвало у современного исследователя восклицание «Вот и великое Православное царство!» [Лурье, 1995, с. 262].

В этой связи проблема сочетания монгольского и византийского влияния – «московский государь... был преемником и ханов-завоевателей, и императоров византийских...» [Федотов, 1952, с. 148–149] – приобретает вполне определенный акцент. Влияние монголов коренным образом отличало Московскую Русь от привившей ей когда-то веру и христианскую культуру Византии, где при так же ощущаемом дыхании Востока и компромиссах с ним (от аваров до турок), даже изредка династических связях (императрица Ирина-Чичак) очевидно, что такой «евразийский симбиоз» был невозможен. Очевидно, что и клятва иноверными сакральными «сущностями» была бы крайне маловероятна из уст вла-

дык Константинополя: становясь базилевсами, они даже давали специальную присягу на верность православному вероучению [Вероисповедная клятва, 2011, с. 198–199].

Заключение

Вопрос об уникальности клятвы Ивана III в этой связи представляется интересным. С одной стороны, русские книжники и летописцы, как отмечалось, старались передать ордынскую лексику христианскими терминами. Это связано не только с религиозными, но и политическими моментами. Русские авторы XIII–XV вв., характеризуя как современную им, так и более раннюю эпоху, много писали о бедствиях в связи с нашествиями «поганных», не забывали о злключениях русских князей в Орде, сводя ее роль к орудию высшего возмездия за «грехи», которому-де противиться невозможно [Рудаков, 2009, с. 61–111]. Но что касается непосредственно власти Орды на Руси, в частности представителей ее администрации – баскаков и даругов, то писатели стремились почти не упоминать о них, выработав своеобразную «идеологию умолчания» [Halperin, 1985, pp. 6–8, 14–20, 61]. П.Н. Савицкий отмечал то же в отношении послеордынского периода: мол, в интересах своей внутренней и внешней политики «московские цари и идеологи их власти... замалчивали монгольство московских государственных традиций» [Панченко, 2011, с. 19].

В этом контексте, кажется, можно было бы и принять версию о том, что буквальное изложение слов Ивана III было инициировано его недоброжелателями. Но все же, учитывая единообразие этого изложения в целом ряде летописей и при значительности авторитета деда Ивана Грозного, по нашему мнению, следует предпочесть другой вариант объяснения. Возможно, именно авторитет или страх перед великим князем не позволил перу летописца и его переписчиков запечатлеть слова Ивана в адаптированном виде. Кроме того, монгольские истоки загадочной клятвы могли – во всяком случае, некоторыми из переписчиков – быть уже несколько подзабыты.

По нашему мнению, клятва Ивана III «небом и землею» может быть уникальным случаем прерывания этой традиции «умолчания» и свидетельством того, как глубоко монгольские традиции, культурные клише могли войти в мир представлений, образ мышления московских государей.

Список источников

- Павлов А.В. 1908. Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб. Тип. П.А. Александрова, ч. 1. 1472.
- Сказание об убийстве в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора. Памятники литературы Древней Руси. 1981. Под ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева, т. 3. М.: Художественная литература: 228–235.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. VI, СПб. Тип. Э. Праца 1853. 358.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. VIII, СПб. Тип. Э. Праца 1859. 301.

Список литературы

- Абаев Н.В. 2013. Влияние тэнгрианской идеологии на социальную организацию и государственность в империях хунну и монголов: некоторые методологические аспекты. Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 6: 134–141.
- Алексеев А.И. 2017. О «странной» клятве великого князя Ивана III и о странной манере вести полемику (Ответ В.Я. Петрухину). Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личности, в идеях. Вып. 1: 161–178.
- Алексеев Н.Н. 1927. Христианство и идея монархии. Путь (Париж). 6 (январь): 15–31.
- Асадуллин Ф.А. 2017. «Татарская Московия» – культурно-политический аспект. Вестник РУДН. Всеобщая история. Вып. 9. 2: 169–183.
- Бердяев Н.А. 1955. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press. 157.

- Булдаков В.П. 2015. Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению. Политическая концептология. 2: 18–52.
- Вернадский Г.В. 2016. Монголы и Русь. М.: Ломоносовъ. 512.
- Вероисповедная клятва. 2011. Византийский словарь: в 2 т. [сост. общ. ред. К.А. Филатова]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора: РХГА: Издательство Олега Абышко, т. 1. А–Л: 198–199.
- Градовский А. 1899. Уезд Московского государства. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 492.
- Григорьев В.В. 1842. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М.: Университетская типография. 132.
- Дампилова Л.С., Николаева Н.Н. 2022. Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках. Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 81. 3: 64–73.
- Дугин А.Г. 1996. Мистерии Евразии. М.: Арктогея. 192.
- Игнатов И. 2006. Империя: попытка рациональной апологии. «Завтра». 52 (684). 27 декабря.
- Исаев И.А. 2009. История государства и права России. М.: Проспект. 800.
- Капеллер А. 2004. Формирование Российской империи в XV – нач. XVIII в: наследство Руси, Византии и Орды. Российская империя в сравнительной перспективе. Сост. М. Баталина, А. Миллер. М.: Новое издательство: 98–108.
- Ключевский В.О. 1990. Сочинения в 9 т. Т. VIII. М.: Мысль. 528.
- Кодзати И.А. 2019. Об устойчивых сочетаниях осетинского языка, обусловленных национальными реалиями. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. (22): 255–264.
- Козин С.А. 1941. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.–Л.: Издательство АН СССР. 619 с.
- Королев С.А. 2009. Псефдоморфоза как тип развития: случай России. Философия и культура. 6: 72–85.
- Костомаров Н.И. 1912. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, IV. 594.
- Кривошеев Ю.В. 2007. Татары и Шелонская битва 1471 г. Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2. СПб.: Изд-во СПб университета: 201–207.
- Латов Ю.В. 2004. Власть-собственность в средневековой России. Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 2. 4: 111–133.
- Лурье С.В. 1995. Русские в Средней Азии, англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации. Цивилизации и культуры. Вып. 2. М.: ИВИ РАН: 252–273.
- Милюков П.Н. 1896. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб.: «Мир божий» [2], VIII. 222.
- Нефёдов С. 2010. История России. Факторный анализ. М.: Территория будущего. Т. I. 376.
- Панченко А.Б. 2011. Этноисторические и геополитические положения классического евразийства. Исторический ежегодник Новосибирск. Параллель: 14–24.
- Петрухин В.Я. 2018. Евреи в средневековой Руси: парадоксы современного восприятия давней проблемы. Славяноведение. 2: 12–20
- Почкаев Р.Ю. 2019. Расправа Чингисхана с Сача-бэки и начало эпохи ханского правосудия. Народы и религии Евразии (Барнаул). 4 (21): 7–16.
- Прыжов И.Г. 1868. История кабаков в России в свете истории Русского народа. Санкт-Петербург. М.: М.О. Вольф [8]. 320.
- Рудаков В.Н. 2009. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV веков. М.: Квадрига. 248 с.
- Сахаров А.Н. 2010. Русь на путях к «Третьему Риму». Тула, Гриф и Ко. 240.
- Соловьев С.М. 1984. Публичные чтения о Петре Великом. М., Наука. 231.
- Трепавлов В.В. 2002. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 752.
- Трубецкой Н.С. 1992. О туранском элементе в русской культуре. Этнографическое обозрение. 1: 92–106.
- Успенский Б.А. 2021. Странная клятва Ивана III. Studi Slavistici. XVIII 2: 23–32.
- Федотов Г.П. 1952. Россия и свобода. Новый град. Сборник статей под ред. Ю.П. Иваска. Нью-Йорк. Издательство имени Чехова: 139–170.

- Фогель А.С. 2008. Место древнерусских земель в геополитической системе XIII–XIV вв. по данным восточных авторов. Известия Самарского научного центра РАН. История и археология: 1200–1204.
- Чернышов С.А. 2018. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. Идеи и идеалы. Т. 2. 4: 139–156.
- Шубарт В. 2000. Европа и душа Востока. М.: Русская идея. 443.
- Breen J. 1996. The Imperial Oath of April 1868: Ritual, Politics, and Power in the Restoration. Monumenta Nipponica (Sofia University) Vol. 51. No. 4 (Winter): 407–429.
- Halperin Ch.J. 1985. Russia and the Golden Horde. The Mongol impact on medieval Russian History. Bloomington, Indiana University Press. 180.

References

- Abaev N.V. 2013. Vlijanie tjengrianskoj ideologii na social'nuju organizaciju i gosudarstvennost' v imperijah hunnu i mongolov: nekotorye metodologicheskie aspekty [Influence of Tengrian ideology on social organization and statehood in the empires of the Xiongnu and Mongols: some methodological aspects]. Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. 6: 134–141 (in Russian).
- Alekseev A.I. 2017. O «strannoj» kljatve velikogo knjazja Ivana III i o strannoj manere vesti polemiku (Otvét V.Ja. Petruhinu) [About the «strange» oath of the Grand Duke Ivan III and about the strange manner of arguing (Answer to V.Ya. Petrukhin)]. Paleorossija. Drevnjaja Rus' vo vremeni, v lichnosti, v idejah. Vyp. 1: 161–178 (in Russian).
- Alekseev N.N. 1927. Hristianstvo i ideja monarhii [Christianity and the idea of monarchy]. Put' (Parizh). 6 (janvar'): 15–31.
- Asadullin F.A. 2017. «Tatarskaja Moskovija» – kul'turno-politicheskij aspekt [«Tatar Muscovy» – a cultural and political aspect]. Vestnik RUDN. Vseobshhaja istorija. Vyp. 9. 2: 169–183 (in Russian).
- Berdjaev N.A. 1955. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. Parizh: YMCA Press. 157.
- Buldakov V.P. 2015. Krizisnyj ritm rossijskoj istorii: k kul'turno-antropologicheskomu pereosmysleniju [The crisis rhythm of Russian history: towards cultural and anthropological rethinking]. Politicheskaja konceptologija. 2: 18–52 (in Russian).
- Vernadskij G.V. 2016. Mongoly i Rus' [Mongols and Russia]. M.: Lomonosov. 512 (in Russian).
- Veroispovednaja kljatva [Religious oath]. 2011. Vizantijskij slovar': v 2 t. [sost. Obshh. red. K.A. Filatova]. SPb.: Amfora. TID Amfora: RHGA: Izdatel'stvo Olega Abyshko, t. 1. A–L: 198–199 (in Russian).
- Gradovskij A. 1899. Uezd Moskovskogo gosudarstva. Sbornie sochinenij [District of the Moscow state]. T. 2. SPB.: Tip. M.M. Stasjulevicha. 492 (in Russian).
- Grigor'ev V.V. 1842. O dostovernosti jarlykov, dannyh hanami Zolotoj Ordy russkomu duhovenstvu [On the reliability of the labels given by the khans of the Golden Horde to the Russian clergy]. M.: Universitetskaja tipografija. 132 (in Russian).
- Dampilova L.S., Nikolaeva N.N. 2022. Zhanr kljatv v mongol'sko-man'chzhurskikh istochnikah [Genre of oaths in the Mongolian-Manchu sources]. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. T. 81. 3: 64–73 (in Russian).
- Dugin A.G. 1996. Misterii Evrazii [Mysteries of Eurasia]. M.: Arktogeja. 192 (in Russian).
- Ignatov I. 2006. Imperija: popytka racional'noj apologii [Empire: an attempt at a rational apology]. «Zavtra». 52 (684). 27 dekabnja (in Russian).
- Isaev I.A. 2009. Istorija gosudarstva i prava Rossii [History of the State and Law of Russia]. M.: Prospekt. 800 (in Russian).
- Kapeller A. 2004. Formirovanie Rossijskoj imperii v XV – nach. XVIII v: nasledstvo Rusi, Vizantii i Ordy. Rossijskaja imperija v sravnitel'noj perspective [Formation of the Russian Empire in the XV – beginning XVIII century: the legacy of Russia, Byzantium and the Horde]. Sost. M. Batalina, A. Miller. M.: Novoe izdatel'stvo: 98–108 (in Russian).
- Ključevskij V.O. 1990. Sochinenija [Works]. V 9 t. T. VIII. M.: Mysl'. 528 p. (in Russian).

- Kodzati I.A. 2019. Ob ustojchivyh sochetanijah osetinskogo jazyka, obuslovlennyh nacional'nymi realijami [On stable combinations of the Ossetian language, due to national realities]. *Izvestija SOIGSI. Shkola molodyh uchenyh*. (22): 255–264 (in Russian).
- Kozin S.A. 1941. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaja hronika 1240 g. [Secret story. Mongolian chronicle of 1240]. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 619 (in Russian).
- Korolev S.A. 2009. Psefodomorfoza kak tip razvitija: sluchaj Rossii [Psephodomorphosis as a type of development: the case of Russia]. *Filosofija i kul'tura*. 6: 72–85 (in Russian).
- Kostomarov N.I. 1912. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej [Russian history in the biographies of its main figures]. Kn. 1. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, IV. 594 (in Russian).
- Krivosheev Ju.V. 2007. Tatory i Shelonskaja bitva 1471 g. [Tatars and the Battle of Shelon in 1471]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka*. T. 2. SPb.: Izdatelstvo SPb universiteta: 201–207 (in Russian).
- Latov Ju.V. 2004. Vlast'-sobstvennost' v srednevekovoj Rossii [Power-property in medieval Russia]. *Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 2. 4: 111–133 (in Russian).
- Lur'e S.V. 1995. Russkie v Srednej Azii, anglichane v Indii: dominanty imperskogo soznaniya i sposoby ih realizacii [Russians in Central Asia, Englishmen in India: Dominants of Imperial Consciousness and Ways of Their Implementation]. *Civilizacii i kul'tury*. Vyp. 2. M.: IVI RAN: 252–273 (in Russian).
- Miljukov P.N. 1896. Oчерки по истории русской культуры [Essays on the history of Russian culture]. T. 1. SPb.: «Mir bozhij» [2], VIII. 222 (in Russian).
- Nefjodov S. 2010. Istorija Rossii. Faktornyj analiz [History of Russia. Factor analysis]. M.: Territorija budushhego. T. I. 376 (in Russian).
- Panchenko A.B. 2011. Jetnoistoricheskie i geopoliticheskie položenija klassičeskogo evrazijskogo [Ethnohistorical and geopolitical provisions of classical Eurasianism]. *Istoricheskij ezhegodnik Novosibirsk*. Parallel': 14–24 (in Russian).
- Petruhin V. Ja. 2018. Evrei v srednevekovoj Rusi: paradoksy sovremennogo vosprijatija davnej problemy [Jews in medieval Russia: the paradoxes of the modern perception of a long-standing problem]. *Slavjanovedenie*. 2: 12–20 (in Russian).
- Pochekaev R.Ju. 2019. Rasprava Chingis-hana s Sacha-bjeki i nachalo jepohi hanskogo pravosudija [The massacre of Genghis Khan with Sacha-beki and the beginning of the era of Khan justice]. *Narody i religii Evrazii (Barnaul)*. 4 (21): 7–16 (in Russian).
- Pryzhov I.G. 1868. Istorija kabakov v Rossii v svete istorii Russkogo naroda [The history of taverns in Russia in the light of the history of the Russian people]. Sankt-Peterburg. M.: M.O. Vol'f [8]. 320 (in Russian).
- Rudakov V.N. 2009. Mongolo-tatory glazami drevnerusskih knizhnikov cserediny XIII–XV vekov [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the XIII–XV centuries]. M.: Kvadriga. 248 (in Russian).
- Saharov A.N. 2010. Rus' na putjah k «Tret'emu Rimu» [Russia on the way to the «Third Rome»]. Tula, Grif i Ko 240 (in Russian).
- Solov'ev S.M. 1984. Publichnye chtenija o Petre Velikom [Public Readings on Peter the Great]. M., Nauka. 231 (in Russian).
- Trepavlov V.V. 2002. Istorija Nogajskoj Ordy [History of the Nogai Horde]. M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 752 (in Russian).
- Trubeckoj N.S. 1992. O turanskom jelemente v ruskoj kul'ture [On the Turanian element in Russian culture]. *Jetnograficheskij obozrenie*. 1: 92–106 (in Russian).
- Uspenskij B.A. 2021. Strannaja kljatva Ivana III [The strange oath of Ivan III]. *Studi Slavistici*. XVIII 2: 23–32 (in Russian).
- Fedotov G.P. 1952. Rossija i svoboda. Novyj grad [Russia and freedom]. Sbornik statej pod red. Ju.P. Ivaska. N'ju-Jork. Izdatel'stvo imeni Čehova: 139–170 (in Russian).
- Fogel' A.S. 2008. Mesto drevnerusskih zemel' v geopoliticheskoj sisteme XIII–XIV vv. po dannym vostochnyh avtorov [The place of ancient Russian lands in the geopolitical system of the XIII–XIV centuries according to Eastern authors]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Istorija i arheologija*: 1200–1204 (in Russian).

- Chernyshov S.A. 2018. Tjurkskie politicheskie tradicii v sisteme organizacii vlasti russkogo gosudarstva i sibirskogo hanstva kak faktor ih uspeshnoj integracii v XVI–XVII vv. [Turkic political traditions in the system of power organization of the Russian state and the Siberian Khanate as a factor of their successful integration in the 16th – 17th centuries]. *Idei i idealy*. Т. 2. 4: 139–156 (in Russian).
- Shubart V. 2000. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the Soul of the East]. М.: Russkaja ideja. 443 (in Russian).
- Breen J. 1996. The Imperial Oath of April 1868: Ritual, Politics, and Power in the Restoration. *Monumenta Nipponica* (Sofia University) Vol. 51. No. 4 (Winter): 407–429 (in Russian).
- Halperin Ch.J. 1985. *Russia and the Golden Horde. The Mongol impact on medieval Russian History*. Bloomington, Indiana University Press. 180 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.09.2022

Received 29.09.2022

Поступила после рецензирования 07.11.2022

Revised 07.11.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Accepted 07.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, PhD in History, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000 0002-3041-4103](https://orcid.org/0000-0002-3041-4103)